

Интернет-журнал «Наукоедение» ISSN 2223-5167 <http://naukovedenie.ru/>

Том 8, №2 (2016) <http://naukovedenie.ru/index.php?p=vol8-2>

URL статьи: <http://naukovedenie.ru/PDF/49EVN216.pdf>

DOI: 10.15862/49EVN216 (<http://dx.doi.org/10.15862/49EVN216>)

Статья опубликована 04.04.2016.

**Ссылка для цитирования этой статьи:**

Лихачев М.О. Кризис современной модели глобализации и роста мировой экономики // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» Том 8, №2 (2016) <http://naukovedenie.ru/PDF/49EVN216.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ. DOI: 10.15862/49EVN216

**УДК 330.3<sup>1</sup>**

**Лихачев Михаил Олегович**

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», Россия, Москва  
Профессор кафедры «Экономической теории и менеджмента»  
Доктор экономических наук, доцент  
E-mail: [olegmix71@mail.ru](mailto:olegmix71@mail.ru)  
РИНЦ: [http://elibrary.ru/author\\_items.asp?authorid=369008](http://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=369008)

## **Кризис современной модели глобализации и роста мировой экономики**

**Аннотация.** Современная мировая экономика переживает период длительной рецессии. Большинство современных экономистов все больше склоняются к мнению о том, что эта рецессия является не простым циклическим спадом, а отражением глубокого структурного кризиса современной модели глобальной экономики. Однако конкретные причины рецессии разными экспертами определяется по-разному. В данном исследовании проводится анализ структурных проблем современной мировой экономики, связанных с формированием «экономики знаний» и частичной деиндустриализации экономики развитых стран за счет переноса значительной производственных мощностей в развивающиеся страны. Этот процесс превращает экономики развитых стран не только в главный источник технологических идей, обеспечивающих развитие мирового производства, но и в главных потребителей значительной части высокотехнологичных товаров и услуг, производимых развивающимися странами на основе технологий, импортированных из развитых стран. В результате этого формируется глобальный дисбаланс в мировой финансовой системе, а технологический прогресс направляется главным образом на создание инноваций, повышающих качество жизни, а не на инновации повышающие эффективность использования ресурсов. Однако это приводит к замедлению темпов роста потребительского спроса и снижению возможностей эффективной коммерциализации инноваций, что, в свою очередь, ведет к снижению темпов роста мировой экономики в целом. По мнению автора, результатом действия этого кумулятивного механизма снижения роста в обозримом будущем может стать развитие тенденции к дезинтеграции мировой экономики.

**Ключевые слова:** мировая экономика; глобализация; экономический рост; экономика знаний; инновации; глобальный дисбаланс; дезинтеграция; деиндустриализация; рецессия; импортозамещение

---

<sup>1</sup> 119571, город Москва, проспект Вернадского, дом 88, кабинеты 803-804

## **Кризис современной модели глобализации и роста мировой экономики**

В современной экономической литературе глобализация и инновационный рост стали наиболее употребляемыми терминами для описания новейших тенденций развития мировой экономики. «Постиндустриальное общество», «информационная экономика», «экономика знаний» и другие термины, используемые для описания экономики наиболее развитых стран современного мира, предполагают неразрывное сочетание этих двух тенденций. Однако продолжающаяся мировая рецессия все больше ставит под вопрос способность современной глобальной экономике, базирующейся на «экономике знаний», генерировать устойчивый рост в долгосрочной перспективе.

### **«Экономика знаний» в современной мировой экономике**

Сегодня уже стало привычным представление об «экономике знаний» как о новой стадии развития современной рыночной экономики, которая пришла в развитых странах на смену индустриальной экономике. На смену массовому производству стандартизированных товаров и услуг пришло производство новых знаний и технологий, которые являются основой для нового качества массовых товаров и услуг. [8] Однако «экономика знаний» имеет также четкую пространственную локализацию. Ее структуры сосредотачиваются, главным образом, в развитых странах, а генерируемые ею технологические идеи в значительной мере реализуются с опорой на промышленный потенциал развивающихся стран. В пространственном ракурсе «экономика знаний» представляется лишь тонким слоем, выкристаллизовавшимся на поверхности современного мирового промышленного капитализма. [3]

В связи с этим развитие «экономики знаний» представляет собой противоречивую картину: с одной стороны ее развитие связано с открытием новых источников благосостояния и роста в виде так называемого «неосязаемого» или «невещественного» капитала, но, с другой стороны, ее развитие сопровождается сокращением традиционного индустриального сектора экономики в развитых странах. Экономика развитых стран в последние десятилетия все больше теряет конкурентоспособность в сфере создания стандартных массовых товаров и услуг, производимых с помощью технологий массового производства, уступая развивающимся странам, получающим конкурентные преимущества за счет относительной дешевизны своих ресурсов.

Создается впечатление, что сама концепция «экономики знаний» и «креативного капитализма», во многом, порождены стремлением дать подобающее объяснение прогрессирующему процессу деиндустриализации экономики развитых стран. Оптимизм этой концепции по поводу будущих технологических достижений совмещается с беспокойством и тревогой по поводу усилившейся международной конкуренции. Поэтому, тогда как одни эксперты убеждены в благотворности происходящего процесса и уверенно заявляют, что «... глобализация, аутсорсинг и акцент на инновации и креативность, вынуждают бизнес к резкому сдвигу уровня инвестиций от физического к «неосязаемому» капиталу». [7, с. 62–70] Другие акцентируют внимание на вынужденном характере процесса, связанного с международным конкурентным давлением: «Европейская экономика знаний является главным фактором нашей конкурентоспособности. В мире жесткой конкуренции, взаимозависимости и низкого уровня заработной платы в развивающихся экономиках, Европа не может связывать себя с производством, требующим низкого уровня заработной платы и низкого уровня добавленной стоимости для обеспечения экономического роста и создания новых рабочих мест. Вместо этого Европе следует сфокусировать свои усилия в сфере ее сравнительных преимуществ: производстве товаров и услуг с высокой долей добавленной

стоимости, воплощающих в себе высокое качество физического и человеческого капитала и высокий уровень знаний». [4]

Беспокойство и раздвоенность оценок, вызванных процессами развития «экономики знаний» преодолевается путем приравнивания новых знаний к конечным продуктам экономической деятельности и провозглашения их главными носителями экономической ценности и источником получения более высокой прибыли.

"Экономика знаний", формирующаяся в развитых странах, действительно, является главным источником тех технологий, которые являются базой для развития промышленных мощностей в новых индустриальных странах. Благодаря этому в мировое промышленное производство включатся огромная армия квалифицированного и относительно дешевого труда. Однако этот процесс вызывает обратный эффект, создавая мощное конкурентное давление на промышленное производство развитых стран, которое вынуждает их все больше специализироваться в области "экономики знаний". В последние десятилетия эта специализация все более обретает институциональный характер. Разделение на вещественный и невещественный капитал становится неотъемлемой частью экономического и правового дискурса и получает все более широкое распространение и развитие в сфере защиты прав интеллектуальной собственности, новых системах бухгалтерского учета, экономических моделей, поисковых систем, систем, осуществляющих измерение и управление процессами генерирования и распространения новых знаний. В конечном итоге, эти процессы способствуют повышению стоимости новых знаний относительно стоимости продукции, создаваемой в рамках традиционного индустриального производства. Благодаря этому высокая стоимость начинает рассматриваться как неотъемлемое свойство интеллектуального продукта, а низкая стоимость как неотъемлемое свойство материальных продуктов и традиционных услуг. [2] Базой для такой оценки является представление о том, что основным источником добавленной стоимости и прибыли являются инновации.

Однако конкретный продукт, в котором воплощаются инновации, как правило, представляет собой неразрывное сочетание неосязаемых и осязаемых компонентов – инновационной идеи и ее материального воплощения. Причем материальное воплощение появляется на последнем этапе производственной цепочки и, следовательно, включает в себя стоимость неосязаемой составляющей. Однако, благодаря сложной системе международной кооперации, включающей в себя множество отдельных предприятий, из которых каждое обслуживает свою стадию производственного процесса, создается иллюзия, что само по себе создание технической идеи или разработка дизайна изделия способны создавать добавленную стоимость и приносить прибыль. В реальности, прибыль способен приносить только контроль над всей производственной цепочкой от начальной стадии разработки идеи до воплощения в конкретном товаре или услуге, которые приобретаются конечными потребителями. Несмотря на то, что все возрастающая доля инвестиций вкладывается именно на начальных стадиях, когда формируется «идея» нового продукта, отдача от этих инвестиций, в конечном итоге будет определяться на стадии конечной реализации продукта. Объемы конечной добавленной стоимости и прибыли определяются объемом конечной реализации товаров и услуг, в которых нашли свое воплощение инновации, созданные в сфере «экономики знаний». Возрастание этих объемов позволяет реализовать эффект экономии от масштаба, возникающий в результате распространения новой идеи, однако, согласно логике этого процесса, доля затрат на разработку новой идеи в стоимости конечного продукта будет стремиться к нулю. Поэтому значительные финансовые результаты в сфере «экономики знаний» обусловлены возможностью контролировать реальное производство товаров или услуг, в которых воплощаются новые идеи. В результате этого в современной глобальной экономике резко возрастает роль международных институтов, способных гарантировать права

интеллектуальной собственности, а также транснациональных корпораций, способных контролировать производственные цепочки по всему миру.

### **Глобальный дисбаланс: реальность или статистическая иллюзия?**

Наиболее ярким проявлением противоречий современной глобальной экономики является сложившийся в ней глобальный дисбаланс. Он проявляется в том, что многие развитые страны (прежде всего США) имеют стабильный пассив по счету текущих операций, который компенсируется активами по счету движения капиталов. Наиболее развитые экономики мира, в которых сконцентрирована современная «экономика знаний», превратились из главных экспортеров в главных импортеров товаров, услуг и капиталов. Это во многом обусловлено постиндустриальной направленностью развития национальных экономик развитых стран. Поскольку финальная стадия коммерциализации новых знаний осуществляется при продаже конечных товаров и услуг, которые производятся, главным образом, в развивающихся странах, в этой продукции воплощается дополнительная стоимость, которая присоединяется к стоимости технических и дизайнерских идей, воплощенных в этом продукте. Поэтому когда, созданные в развитых странах идеи возвращаются на их рынки в виде конечного продукта, они, естественно, ухудшают состояние их торговых и платежных балансов, что, затем, компенсируется за счет увеличения международных обязательств развитых стран. В современной экономической литературе это часто рассматривается как следствие несовершенства системы национальных счетов, которая неспособна адекватно отразить вклад, который производство идей вносит в создание конечного продукта: «Статистика не учитывает то, что Эппл затрачивает на исследования и разработки и на продвижение бренда. Вместо этого она учитывает каждый iPod дважды: когда он прибывает из Китая и когда он продается. Это, фактически, сводит Эппл – крупнейшего в мире инноватора - до роли посредника, перепродающего импортный товар». [7] Однако, очевидно, что этот упрек должен быть адресован не системе национальных счетов, а логике самого процесса коммерциализации. Конечный финансовый результат, т.е. прибыль, достигается только в результате преобразования знания в иной конечный продукт – товар или услугу, - и продажи его конечному потребителю. Знания, технологии, идеи в результате коммерциализации низводятся до уровня промежуточного продукта, поэтому стоит ли удивляться, что они стоят меньше, чем конечный продукт, в который они преобразуются. Система национальных счетов всего лишь адекватно отражает структуру возникающих в связи с этим рыночных транзакций.

Более изощренный вариант концепции статистической иллюзии предлагает Р. Хаусманн. [9] Он обращает внимание на еще одну интересную тенденцию, нашедшую свое отражение в мировой макроэкономической статистике. Несмотря на то, что текущее состояние платежных балансов развитых стран свидетельствует о постоянном росте их чистых международных обязательств, чистые иностранные активы, отражающиеся в балансе национального богатства в течение длительного времени поддерживаются на положительном уровне. Это позволяет Р. Хаусманну говорить о некоем экономическом аналоге «темной материи» - факторах, которые увеличивают стоимость невещественных форм национального богатства, но сами не фиксируются современной макроэкономической статистикой. Р. Хаусманн выделяет три фактора создающих «темную материю». Во-первых, это прямые иностранные инвестиции, осуществляемые компаниями развитых стран в экономику развивающихся. Р. Хаусманн справедливо полагает, что с этими инвестициями связан трансферт знаний и технологий, который существенно увеличивает рыночную стоимость иностранных компаний принимающих эти инвестиции. В результате, стоимость долей капиталов этих компаний, переходящих в собственность инвесторов, значительно превышают величину средств, вложенных в их создание.

Во-вторых, «темную материю» генерирует более высокая стабильность экономики развитых стран и, как следствие этого, меньшие риски, связанные с приобретением их обязательств, в отличие от обязательств, создаваемых остальным миром. Это позволяет развитым странам занимать средства под более низкую процентную ставку и/или привлекать инвестиции с меньшей ожидаемой доходностью, чем остальной мир, что существенно ограничивает снижение их чистых иностранных активов.

В третьих, источником поддерживающим увеличение чистых иностранных активов развитых стран является стабильность их национальных валют, которые являются источником ликвидности для остального мира. Так называемые свободно конвертируемые валюты, в первую очередь доллар, используются для приобретения активов с более высокой доходностью, что также способствует увеличению чистых иностранных активов развитых стран.

Учет всех этих факторов, по мнению Р. Хаусманна, способен существенно изменить картину современной мировой экономики, представив ее как значительно более сбалансированную и устойчивую систему, чем она выглядит в зеркале современной макроэкономической статистики. Однако, очевидно, что все указанные им источники дополнительной стабильности, базируются на оптимистической оценке перспектив дальнейшего функционирования экономик развитых стран и «экономики знаний» как их ведущего сектора. Высокая оценка прямых иностранных инвестиций из развитых стран, равно как и уверенность в более высокой стабильности их экономических и валютных систем, будет сохраняться до тех пор, пока будет сохраняться уверенность в их способности генерировать новые знания и успешно их коммерциализировать. Как только уверенность в этом ослабнет у большинства участников мирового финансового рынка, «темная материя» мгновенно исчезнет, и мы вновь вернемся в мир глобальных дисбалансов, чреватых глобальным кризисом.

### **Глобализация или дезинтеграция?**

Поскольку возможность контролировать распространение новых знаний является ограниченной, стабильное функционирование «экономики знаний» в большей степени базируется на ее способности генерировать новые знания и технологии, которые превосходят прежние. Только непрерывный поток новых знаний гарантирует, в этих условиях, непрерывный поток создания добавленной стоимости и прибыли. Однако успешность этого процесса также зависит и от возможности мирового рынка поглощать товары и услуги, создаваемые на базе нового знания. В конечном итоге все сводится к возможностям экономического роста в современном мире, заключенным в инновационных и неинновационных факторах. Однако возможности инновационного роста постепенно сокращаются. Современные инновации не оказывают такого влияния на эффективность использования ресурсов, которую оказала первая, а тем более вторая волна индустриальной революции. «Информационная революция» конца прошлого века, на достижениях которой базируется современная «экономика знаний», по темпам роста производительности труда и повышения отдачи от других видов ресурсов несопоставима с эпохой создания массового промышленного производства во второй половине XIX – начале XX вв. Современный поток инноваций в большей степени ориентирован не на повышение эффективности использования ресурсов, а на повышение качества жизни. [5; 6; 10] Однако, условием успешной коммерциализации подобных инноваций является рост уровня жизни потенциальных потребителей, в основе которого лежит экономический рост не только в развитых странах, но и в тех развивающихся странах, экономика которых отличается достаточным динамизмом, чтобы в обозримом будущем создать рынок для коммерциализации инноваций, повышающих

качество жизни. Однако снижение инновационной составляющей экономического роста вместе с возрастающими ресурсными ограничениями приводит, в конечном итоге, к снижению возможностей коммерциализации, а это, как следствие, к сокращению инвестиций, как в секторе «экономики знаний» так и в отраслях традиционной индустрии. Формируется кумулятивный процесс замедления роста: снижение действия инновационных факторов снижает возможности роста доходов и потребления, снижение роста доходов и потребления снижает возможности коммерциализации инноваций, создаваемых «экономикой знаний», а падение возможностей коммерциализации снижает темпы роста инвестиций и усиливает замедление темпов экономического роста. В этом процессе, по-видимому, заключается природа современной глобальной рецессии. Как отмечает Р. Бреннер: «Основным источником современного кризиса является устойчивое снижение энергии развитых капиталистических экономик на протяжении трех последних десятилетий, от одного бизнес-цикла к другому, вплоть до сегодняшнего дня. Долгосрочное ослабление накопления капитала и роста совокупного спроса порождается глубоким системным снижением уровня отдачи от капитала, возникшим в результате постоянной тенденции к перепроизводству, сложившейся в глобальной индустрии». [1, с. 2]

Снижение динамизма экономик развитых стран ставит под вопрос их глобальное доминирование, которое лежит в основе глобализации современной мировой экономики. Втягивание в этот процесс наиболее динамичных развивающихся экономик, во многом, обусловлено стремлением политических и экономических элит этих стран повысить уровень экономического развития и уровень жизни, опираясь на технологические достижения развитых стран и развитие экспортной специализации экономики. Однако преимущества этой модели развития базируются в основном на ее способности к быстрому достижению положительных результатов, а это возможно только до тех пор, пока импортируемые технологии способны генерировать достаточно быстрый рост. На начальных этапах индустриального развития это действительно происходит благодаря экстенсивному расширению промышленного сектора экономики и росту эффективности использования ресурсов, но по мере того как уровень индустриального развития повышается, наибольшую значимость приобретают интенсивные и инновационные факторы. Снижение способности экономики развитых стран генерировать инновации, увеличивающие темпы экономического роста, может в обозримой исторической перспективе привести к тому, что те развивающиеся страны, которые в наибольшей мере продвинулись по пути индустриального развития, начнут обращаться к внутренним источникам роста и стремиться к отказу от экспортной ориентации своей экономики в пользу стратегии импортозамещения. В наиболее крупных и развитых из них уже сейчас возникает стремление создания своей собственной «экономики знаний», которая будучи частью их собственной экономической системы, станет альтернативным источником генерирования новых технологических идей. Развитие этих тенденций в глобальном масштабе может стать фатальным для современных процессов глобализации и привести к новой дезинтеграции, которая способна полностью изменить структуру современной мировой экономики и сложившуюся систему международных экономических отношений.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Brenner R. What Is Good for Goldman Sachs Is Good for America: The Origins of the Present Crisis // Center for Social Theory and Comparative History UCLA, Los Angeles, 2009.
2. Corrado C., Hulten C., Sichel D. Intangible Capital and Economic Growth // Finance and Economics Discussion Series, Divisions of Research & Statistics and Monetary Affairs, Federal Reserve Board, Washington, 2006.
3. Eekelen B. Knowledge for the West, Production for the Rest? // Journal of Cultural Economy. 2015, №8, pp. 479-500. DOI: 10.1080/17530350.2014.909367.
4. Europe's Knowledge Economy: Background Note / European Policy Centre, Brussels, 2009.
5. Gordon R.J. Century with a View of the Future // NBER Working Paper. 2010. №15834.
6. Gordon R.J. Is U.S. Economic Growth Over? Faltering Innovation Confronts the Six Headwinds // NBER Working Paper. 2012. №18315.
7. Mandel M., Hamm S., Farrel C. Why the economy is a lot stronger than you think // BusinessWeek, 2006. 13 February.
8. Moulier B.Y. Cognitive Capitalism. Cambridge: Polity Press, 2011. 240 p.
9. Hausmann R., Sturzenegger F. Global imbalances or bad accounting? The missing dark matter in the wealth of nations // Center for International Development at Harvard University. Cambridge. 2006.
10. Heinberg R. The End of Growth: Adapting to Our New Economic Reality. Canada: New Society Publishers, 2011. 321 p.

**Likhachev Mikhail Olegovich**

Moscow State Pedagogical University, Russia, Moscow

E-mail: olegmix71@mail.ru

## **Crisis of the modern model of globalization and growth of the global economy**

**Abstract.** The modern world economy is enduring a period of prolonged recession. Most modern economists increasingly incline to an opinion that this recession is not a simple cyclical slowdown, but a reflection of the deep structural crisis of the modern model of the global economy. However, the specific reasons of recession are variously determined by different experts. In this study, the author makes an analysis of the structural problems of the modern global economy, associated with the formation of the "knowledge economy" and a partial deindustrialization of the economy of developed market economies at the expense of transferring valuable production capacities in developing countries. This process transforms the developed market economies not only into the main source of technological ideas, ensuring development of global production, but also in the main customers of considerable part of high-tech goods and services produced by developing countries on the basis of technologies imported from developed countries. This is resulted in formation of a global imbalance in the global financial system, and technological progress is directed mainly at creating innovations that improve quality of life, rather than innovations that increase the efficiency of resources use. However, this leads to growth retardation of consumer demand and degradation of possibilities of the effective commercialization of innovations, which in turn reduces the growth rates of global economy in general. In the author's opinion, the development of tendency to the global economy disintegration may become the action result of this cumulative mechanism of slowdown in the foreseeable future.

**Keywords:** global economy; globalization; economic growth; knowledge economy; innovation; global imbalance; disintegration; deindustrialization; recession; import substitution



## REFERENCES

1. Brenner R. What Is Good for Goldman Sachs Is Good for America: The Origins of the Present Crisis // Center for Social Theory and Comparative History UCLA, Los Angeles, 2009.
2. Corrado C., Hulten C., Sichel D. Intangible Capital and Economic Growth // Finance and Economics Discussion Series, Divisions of Research & Statistics and Monetary Affairs, Federal Reserve Board, Washington, 2006.
3. Eekelen B. Knowledge for the West, Production for the Rest? // Journal of Cultural Economy. 2015, №8, pp. 479-500. DOI: 10.1080/17530350.2014.909367.
4. Europe's Knowledge Economy: Background Note / European Policy Centre, Brussels, 2009.
5. Gordon R.J. Century with a View of the Future // NBER Working Paper. 2010. №15834.
6. Gordon R.J. Is U.S. Economic Growth Over? Faltering Innovation Confronts the Six Headwinds // NBER Working Paper. 2012. №18315.
7. Mandel M., Hamm S., Farrel C. Why the economy is a lot stronger than you think // BusinessWeek, 2006. 13 February.
8. Moulier B.Y. Cognitive Capitalism. Cambridge: Polity Press, 2011. 240 p.
9. Hausmann R., Sturzenegger F. Global imbalances or bad accounting? The missing dark matter in the wealth of nations // Center for International Development at Harvard University. Cambridge. 2006.
10. Heinberg R. The End of Growth: Adapting to Our New Economic Reality. Canada: New Society Publishers, 2011. 321 p.